

Михаил Русанов

ПОЛДЕНЬ В НЬЮ- ЙОРКЕ

французская осень

Михаил Русанов
Полдень В Нью-Йорке

«Издательские решения»

Русанов М.

Полдень В Нью-Йорке / М. Русанов — «Издательские решения»,

Несколько дней из жизни автора, переполненных воспоминаниями о работе над одной книгой. Первый план — журналист Олег Розов, основываясь на письмах и архивах, написал книгу о жизни французского поэта Люка Морсена. Второй план — реальная жизнь Люка Морсена с 1958 г. по 1972 г. В судьбе Морсена Розов находит параллели со своей жизнью. Места действия: Россия, Франция, США.

© Русанов М.

© Издательские решения

Содержание

Розов и компания.	6
Люк Морсен.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Полдень В Нью-Йорке французская осень Михаил Русанов

*По окнам дней
Стекали капли
Мицут пустых...
И мы,
Не так ли,
Подобно им,
Минутам тем,
Скользили в тишине
По руслу жизни,
На быстрине
Весло движением руки
Побеспокоить не стремясь?
Люк Морсен. 1960 г.*

© Михаил Русанов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Розов и компания.

2000 год

Он не относился к тем людям, чья жизнь – за редким исключением – проходит на одном месте. В одном городе, в одном районе, в одном доме. Видимая основательность, склеенная привычками и пристрастиями, не подверженными изменениям, была ему не свойственна.

Но сегодня он проклинал свой стойкий иммунитет к оседлости.

Необходимость куда-то мчаться посреди ночи по телефонному звонку; томиться часовыми ожиданиями в аэропортах и на вокзалах, – вводные его беспокойной жизни виделись ему сейчас огромными минусами. Изюминка «экстрима», добавляющая бодрящую горчинку жизни, дозы адреналина, разбавленные алкоголем, – все превратилось в жуткое похмелье...

Он посмотрел в иллюминатор. По соседней полосе начинал разбег самолет немецкой Люфт Ганза.

– Вы не поможете мне?

Девушка на соседнем кресле не могла справиться с ремнем безопасности.

– Конечно. Позвольте. Впервые летите?

– Да. – Она покраснела. Откинула со лба длинную челку. Улыбнулась.

– Не волнуйтесь. Почитайте что-нибудь, это отвлечет.

* * *

Звонок Тимура оказался полной неожиданностью. Сколько они не виделись? Лет шесть. Нет, восемь. Восемь лет тишины. Потом приехал Сергей Богданов, проклиная августовскую жару и упрямство друга. И жизнь снова сделала рывок...

В округе прели торфяники. Неухоженные пляжи утром заполнялись ленивым народом. Днем яблоку негде было упасть. А по вечерам, когда удушливый дым трогал окраины городка сизым туманом, пляжи безлюдно тонули в сумерках. Народ перебирался в питейные заведения, и без того переполненные желающими освежиться холодным пивом.

Главной достопримечательностью городка являлся мужской монастырь XVI века. Былое великолепие храма не истребили многочисленные реставрации.

Но в такую жару, когда душный воздух не располагает к осмотру памятников архитектуры, приоритетным будет не духовное приобщение к прекрасному, а совсем другие потребности.

В частности, кружка холодного пива и вяленый лещ под незатейливый разговор с незнакомым человеком ни о чем. Такое положение вещей не редкость в быту людей, которые в силу обстоятельств живут в местах, где музей, памятники и прочие достопримечательности встречаются прямо-таки на каждом шагу.

Поэтому Сергей после четырех часов пути из Санкт-Петербурга в душном автобусе первым делом выбросил туристический буклет, переполненный плохими фотографиями, в урну.

После осведомился у какого-то мужчины в шортах о расположении ближайшего пивного бара. И тут же отправился по указанному адресу, благо было не далеко – на углу автостанции.

Утолив жажду, Сергей вышел из бара и остановил такси. Назвав адрес, он с наслаждением откинулся на мягкую спинку сиденья.

Город из окна машины казался игрушечным и чистым. Стандартные пятиэтажки, окруженные тополями и березками, небольшие магазинчики, аккуратные школы. На заднем плане высятся девятиэтажные «кораблики».

Через три минуты такси остановилось. Заплатив меньше, чем предполагал, он вышел из машины.

Отыскать квартиру Розова оказалось минутным делом. Только он собрался позвонить в дверь, она открылась сама. На пороге застыла девица лет двадцати пяти, в коротком топике и белых брюках. Сергей отступил на шаг. Девица, не обращая на него внимания, шагнула за порог и крикнула в пустующий за ее спиной коридор:

– Пошел ты! Козел! Не звони мне больше. Знать тебя не хочу!

Она хотела еще что-то добавить, но, заметив Богданова, развязно ему улыбнулась, окинула взглядом с ног до головы и, хихикнув, пошла вниз по лестнице.

Сергей проводил ее аппетитную фигурку долгим взглядом.

– Не смотри ей вслед. А то подумает еще чего и вернется.

Розов прислонился к дверному косяку.

– Кто она? – Спросил Сергей.

– Не важно. Проходи. – Он пропустил его в квартиру, посмотрел вниз и закрыл дверь. – Каким ветром тебя занесло сюда? Впрочем, догадываюсь. Тима звонил?

Прежде чем ответить, Богданов осмотрелся. В квартире царил беспорядок. В дальнем углу коридора он заметил целую кучу пустых бутылок из-под водки и пива. Сам Розов выглядел так, словно пребывал в запое целую неделю.

– Пьешь?

Розов кивнул.

– Проходи. Сейчас что-нибудь организую.

– Мне только сок! – Поспешил уточнить Богданов, снимая туфли.

* * *

– Извините. – Она нечаянно толкнула Розова локтем, доставая из пакета книгу. – Я сегодня такая неуклюжая.

На титуле книги – тиснёное название: «Французская осень».

– Интересно? – Спросил он.

– Что? А, книга... Я прочитала лишь половину. Это о Люке Морсене. Слышали?

– Французский поэт. Плохо писал, жил скверно.

– Вы читали?

– Доводилось. Не очень.

– А мне нравится. – С вызовом ответила она.

Розов отвернулся. Нравится ей! Сказала так, чтоб оправдать себя в бесполезной трате денег на никчемную книгу.

Стюардесса попросила вернуть спинки кресел в вертикальное положение. В иллюминаторе поплыл пейзаж аэродрома. Самолет плавно оторвался от бетонной полосы, и земля ушла вниз.

– Вам действительно не понравилась книга? Не понравился автор или его герои?

– Автор мне нравится, – усмехнулся Розов. – Но его герои... Кажется, автор не совсем понимал, о чем пишет.

– Я так не думаю.

– Вы до этой книги слышали что-нибудь о Люке Морсене? Вот видите.

Ему не хотелось говорить о Морсене. Поиск любых упоминаний о нем, перевод стихов (не очень хороших стихов), десятки вариантов предполагаемых событий, – последний год Розов только этим и жил. Когда книга вышла, он потерял к ней интерес. Сейчас его больше заботило другое...

* * *

Впервые он увидел ее в студии Богданова. Сергей был весь в работе. Три фотоаппарата на треногах являлись центром мира, вокруг которого все вертелось. Богданов требовал от очаровательной девушки принять ту или иную позу, щелкал фотовспышкой, вновь требовал от девушки повернуть голову, присесть, привстать, поправить волосы, улыбнуться, смотреть в сторону или в объектив...

Софиты высвечивали лицо девушки, потом гасли. На небольшой площадке оставался темный силуэт, в котором Богданов видел совсем не то, что виделось Розову.

Розов поймал себя на мысли, что девушка перед фотокамерой интересуется его куда больше, чем желание поговорить с другом. Он решил привлечь к себе внимание и сделал это самым простым способом. Закурил. Такое святотатство Богданов в своей студии не терпел. Он тут же прекратил снимать. Увидев Олега, Сергей сделал знак двум помощникам, объявляя краткий перерыв, и прошел в угол, где сел в кресло, приглашая взглядом Розова присоединиться. Примеры бросились к девушке поправлять макияж и прическу.

– Ты давно здесь? И потуши сигарету.

– Минут пять. Хотел пива попить с тобой.

– Что у тебя за привычка превращать мою студию в бар? Пиво принес?

Розов достал из сумки четыре бутылки чешского пива.

– Я мог бы и не спрашивать. Угощай. Какой повод? Только не говори, что пришел просто так.

– Закончил книгу. Теперь ход за издательством. Вечером идем в ресторан. «Швабский домик». Пришел позвать.

– А позвонить не мог? Знаешь, сотовые телефоны для того и существуют.

– Как модель? – Перебил Розов.

– Новенькая. Симпатичная. Посмотрим, как получатся снимки. Профессионалка.

Но с Маринкой ей не сравниться. Кстати, как она?

– Не видел ее неделю. Как зовут?

– Модель? Лена. Вас познакомить?

– Ты меня с Мариной познакомил. Теперь хлопот выше головы.

– Она любит тебя. – Сергей открыл бутылку и налил пиво в стакан.

– Пригласи ее в ресторан.

– Лену?! Приглашу. Ты что задумал?

– Ничего. Скучно мне.

– У тебя всегда так.

– Пригласи Лену.

Так, мимоходом, просто и обычно, они познакомились в ресторане «Швабский домик». ... широкие голубые глаза, вздернутый носик, нервные тонкие губы. Но было в Ленке еще что-то, чему Розов не мог дать определение.

Он с ума сходил, если не видел ее хотя бы день.

Их отношения не походили на те, которые могли бы возникнуть между двумя родственными душами, наполнив гармонией жизнь каждого из них. Нет. Смесь жгучей ревности, взаимных упреков, обиды и нестерпимого желания обладать друг другом, изнуряла обоих. Взрыв, уничтожающий все вокруг, оставляющий после себя пустоту. Часто Розов силился понять – откуда в этом прелестном создании столько вздорности и сарказма? А ее чувство ревности?! Оно не знает границ!

Позже, понимая, что всему есть причины, он думал о Марине. Она по-прежнему звонила ему. Он отвечал. Они встречались. Розов не спешил с окончательным решением.

Два месяца страсти, лжи, угроз, извинений и прощений, – и решение назрело само.

По случаю выхода книги Розова, в фотостудии Богданова была устроена небольшая вечеринка. Ленка не отходила от Розова ни на шаг, и все присутствующие – таких собралось чело-

век пятнадцать, могли наблюдать счастливую пару. Модный писатель и очаровательная фото-модель, чьи перспективы на дальнейшую совместную жизнь ни у кого не вызывают сомнений. Идиллию разрушило появление Марины. Она, как ни в чем не бывало, приняла бокал шампанского от растерявшегося Богданова, и лицо Розова окаменело. Лена сощурила глазки. Богданов не знал, куда деться. Розов молчал.

Скандал вышел огромный. Среди гостей нашлось пару журналистов, чья профессиональная деятельность сводилась к публичному смакованию подобных сцен. Розов не был человеком известным в культурной жизни Санкт-Петербурга, но после данного инцидента его имя мусолилось на страницах нескольких желтых газет в течение двух недель.

Через месяц он уехал из Санкт-Петербурга. Снял квартиру в небольшом городке в области. Несколько раз звонил в Питер Сергею. Пару раз в Ташкент. Однажды Марине...

Маринка приехала сразу. Она готова была простить Розову все, если он вернется к ней.

Олег встретил ее букетом роз. Устроил экскурсию по городку с посещением монастыря и ресторана. Марина светилась счастьем, не понимая, что Розов окончательно решил расстаться с ней. Она наслаждалась его обществом четыре дня. Четыре прекрасных, счастливых дня.

Больше Розов выдержать не мог. Они объяснились. Итог – пощечина. Марина уехала в Санкт-Петербург.

Через два дня позвонила Ленка.

– Скотина! Как ты мог?! Маринка ждет от тебя ребенка! Ублюдок...

Не дослушав, он бросил трубку. Маринка в своем репертуаре. Напела Ленке про какую-то беременность. Когда же это кончится?

Он ни о чем не хотел думать. Ни о прошлом, ни о будущем. Хотелось все забыть и ничего не замечать. Хотелось на белые пески Ибицы...

* * *

Девушка перевернула страницу. Шелест бумаги отвлек Розова от воспоминаний. Самолет набирал высоту.

Какого черта он согласился лететь? Почему летит Сергей, он понимал. Богданов сентиментален. Позвонил Тимур, напомнил, Серёга бросил все дела.

Но почему летит он?

– Вы не находите, что автор слишком много внимания уделяет не жизни героя, а его творческим изысканиям?

Девушка отвлеклась от чтения.

– Как вас зовут? – Спросила она.

– Олег.

– Видите ли, Олег, мне не хочется говорить с вами о книге. Вам она не понравилась. А я прочитала лишь половину. И ваша отрицательная оценка сбивает меня с толку. Не дает сосредоточиться.

– Ваше имя?

– Что, простите?

– Мое имя вы знаете. Теперь ваша очередь представится.

– Татьяна. – Хмыкнула она.

– Хорошо, Татьяна. Раз вы не хотите говорить о книге, может, поговорим о чем-нибудь другом?

– О чем же?

– Ну-у... О воздушных ямах.

– Что это?

– Иногда самолеты попадают в область разряженного воздуха. Плотность в таких местах довольно малая, и самолеты буквально проваливаются вниз. Понимаете?

– Нет. – Она нервно поправила ремень безопасности. – И не хочу понимать

– Почему вы так тихо говорите?

– Мне страшно.

– Странно. Мне показалось, вы сказали «страшно»?

– Да. Страшно. Не могли бы вы говорить о чем-то другом? Я впервые лечу самолетом, и вы, вместо того, чтобы поддержать меня, рассказываете какие-то байки. Воздушных ям не существует!

Самолет вдруг качнуло. Татьяна почувствовала, как ее живот сжался в ужасном спазме. В следующую секунду все прошло.

– Это яма? – Спросила она шепотом.

– Они часто бывают при взлетах. И при посадках.

– Вы жестокий человек. Про посадки могли бы и не говорить.

– Тогда поговорим о книге. Лететь нам долго. Или вы предпочитаете...

– Нет. Поговорим о книге. – Она улыбнулась. – Мне нравится автор. У него свой стиль. Я читала его книги, и осталась довольна.

– Критики съели его живьем. Про другие говорить не будем. А вот про «Французскую осень» поговорим. Вас увлек герой?

– Да.

Розов взглянул в иллюминатор. Облака, облака, облака. Иногда между ними, в прорехах, виднелась темная земля.

– Скучно.

– Что вы сказали?

– Почитайте еще минут десять. Я соберусь с мыслями.

Татьяна пожала плечами. «Какой странный мужчина».

Стараясь не думать о том, что ждет его в Нью-Йорке, Розов стал вспоминать, как давалась ему книга о Морсене. Как капризная стерва, которая много обещает, манит. После говорит – у меня нет настроения!

Ему катастрофически не хватало материала. Попавшие к нему по случаю дневниковые записи Морсена были отрывочны, с нарушенной хронологией. Как они оказались в России, да еще в руках его хороших знакомых, он не знал, и знать не хотел. Они отдали ему записи, благоразумно решив, что так будет лучше.

Несколько месяцев спустя он взял их в руки. И первый вопрос, который у него возник, был о Камю. Состоялась ли встреча Морсена с Камю? О чем они могли говорить?

Розов отчетливо представил себе молодого Морсена. Ему тогда было, наверное, лет 25 – 26. Вот он сидит на краешке стула, весь напряжен и внимателен. Ловит каждое слово мэтра.

О чем они говорили? О статьях Камю?

Может, Морсен интересовался отношениями между Камю и Сартром?

И без того довольно сложные, после получения Камю Нобелевской премии, они и вовсе стали запутанными и скандальным.

Кто сейчас ответит, о чем они на самом деле говорили?

Сам Морсен ничего не сообщает о содержании беседы. Да и состоялась ли она? В его дневнике есть лишь упоминание о том, что Надин собиралась похлопотать по этому поводу. Что из этого получилось, осталось за пределом дневника. По крайней мере, среди бумаг, находящихся в его распоряжении, Розов больше ничего не смог найти на эту тему.

Еще его заинтересовала сама Надин. Надин Солъенж, так называет ее Морсен.

А ведь он ее любил, – решил тогда Розов.

Молодой провинциал, выходец из семьи среднего достатка, Морсен лишь в своем городке мог чувствовать себя повесой. Но в Париже, в этом огромном муравейнике, в котором талант провинциала может достичь всемирной славы или же сгинуть в канаве среди отбросов и пьяни где-нибудь на задворках, Морсен вряд ли чувствовал себя уютно. Огромный город его давил. Лишь чувства к Надин могли его поддержать.

Не случайно он сошелся с ее отцом. Морсен пишет, что Жан-Поль Сольеж имел где-то в провинции неплохую конюшню, и сам был родом откуда-то с севера. Морсен был неплохим наездником, может быть, на этой почве они познакомились, и Жан-Поль имел на него какие-то виды? Не в плане приема его в свою семью. Морсен сообщает – у Надин есть жених. Правда, это обстоятельство не мешало их страсти.

Розов был уверен, такая страсть имела место. И она была обоюдной.

Морсен пишет:

«Надин была восхитительна. Все ею восхищались, но улыбалась она лишь мне...»

Несколько самонадеянно.

Чуть позже уже подробнее:

«Мы целые сутки провели вместе. Не могу выразить, что я чувствовал. За ужином я прочел ей „Прогулку“. Она сказала, что в ней (в „Прогулке“) остро выражено чувство безысходности. Не знаю. Может, она мне просто льстила? Ночь была восхитительна. В Надин больше нежности, чем кажется на первый взгляд... А страсть ее прямо-таки безумна. Это было бесподобно... Оказывается, ее отец знаком с А. К. Меня это поразило. Надин предложила...»

Розов догадался, – речь идет о Камю.

Об этом посещении Надин Морсен больше не упоминает. Но в пользу их страсти говорят строчки, написанные Морсеном в конце декабря 1958 года.

«Ее улыбка... Стихами невозможно сказать, что я чувствую, когда она улыбается. Это за пределами моего понимания. Я могу до мельчайших подробностей описать ее тело. Я изучил его, как художник изучает тело натурщицы. Я могу найти сотни, тысячи слов, чтобы передать нежность ее атласной кожи, прелесть ее груди, которую невозможно не ласкать, соблазн ножек, обещающий такое наслаждение, за которое не жалко и в ад сойти. Но улыбка ее... тут я бессилён».

К этому времени Надин была уже замужем...

Потом был визит в издательство «Перекресток».

Первый, кто столкнулся с ним в коридоре издательства, оказался Виктор Павлович, зам. главного редактора по финансовой части.

– О-о, кого мы видим! – Виктор Павлович, далекий от литературных дел человек, всегда относился к Розову снисходительно. – Олег Петрович, давненько вы к нам не заходили. Уже почти год прошел после вашего, так сказать, стремительного взлета. Да-да, время бежит. С чем нынче пожаловали? Опять книгу написали? Неужели вы так и не поняли, писать – дело неблагодарное. И не денежное, ха-ха.

– Нет, Виктор Павлович, не написал. Но собираюсь.

– Зря. Сегодня каждый десятый пишет. А толку нет.

– Вы все такой же пессимист.

– Я реалист, Олег Петрович. Финансы не терпят ни пессимизма, ни оптимизма. Деньги, как говорится, счет любят. И здесь нужно быть реалистом. Если хотите, – прагматиком.

– Рад за вас. Главный у себя?

– У-у-у. Не советую, не советую. Не поймите меня не правильно, Олег Петрович. Но вам сейчас лучше главному не показываться. Он еще не совсем забыл вас. – Понизив голос, добавил Виктор Павлович.

– Неужели? Это хорошо.

– Это плохо, Олег Петрович. Люди заблуждаются, когда думают, что если их помнят, то это хорошо. Ошибаются. Ведь помнят исключительно плохое.

– Ну, вашему издательству грех на меня жаловаться. Четыре книги, вышедшие за три месяца, принесли вам неплохую прибыль.

– Да, да, деньги, будь они прокляты... Вы ведь тоже тогда хо-о-роший куш получили. Но вот после... Знаете, у главного чуть инфаркт не случился, когда критики накинулись на вас.

– Такова их работа.

– Да, мордовать автора их сам бог велел. Но они подлые, и редактора задели.

– Что вы говорите? – Съехидничал Розов.

– А вы не знали? О-о, это были настоящие газетные баталии. Главный тогда сказал, что если б знал о последствиях, то никогда не связался бы с вами

– Озадачили вы меня. Все так плохо?

– Еще хуже. Ну, не буду вас задерживать. Дела. А вы заходите как-нибудь, чайку попьем, поговорим. А к главному, мой вам совет, не ходите.

Слова Виктора Павловича сулили Розову мало приятного. Все же он направился прямо к кабинету главного редактора.

В приемной его остановила милая секретарша, которую он не знал.

– Вы куда, мужчина?

«Мужчина?! Да-а, мужчина... Будь ты чуть постарше, сказала бы, – молодой человек».

– К главному редактору, – как можно мягче ответил Розов.

– А... у него совещание.

– Когда закончится?

– Не знаю... Может, через час. А вы по какому вопросу? Если по поводу издания рукописи, то вам лучше обратиться к его заместителю. Ольге Николаевне.

– Нет, к Ольге Николаевне мне не хочется. Наша последняя встреча закончилась не очень любезно. Если не возражаете, я подожду.

Он присел в широкое кресло. Секретарша покраснела, но не нашла, что ответить.

Молода, подумал Розов, ничего, со временем будешь чувствовать себя более уверенно, научишься лгать. Тогда-то попляшут вокруг тебя посетители.

Через десять минут, показавшихся Розову непомерно долгими, дверь кабинета резко открылась. Секретарша вздрогнула. На пороге появился главный редактор. Он пропустил двух женщин, которые рассыпались перед ним в любезностях, и обратился к секретарше.

– Наташенька, проводи людей и организуй кофейку.

Тут он заметил Розова. Покраснел. Потом краска схлынула, на бледных скулах его заходили желваки.

– Тебя мне только не хватало! С чем явился? Нет, не говори. Ничего не хочу.

– Валентин Юрьевич, – Розов поднялся. – У меня к вам минутное дело, честное слово.

– Извини, в этот раз ничего не выйдет.

– Не хорошо вы относитесь к талантливым авторам, Валентин Юрьевич.

– У тебя талант?! Не смейся.

– Всего одну минуту. – Клянчил Розов.

Соглашайся, червь книжный! Уж кто-кто, а ты должен знать – с пустыми руками не приду.

– Хорошо, одну минуту, не больше. Наташа, – бросил Валентин Юрьевич секретарше, которая проводила женщин и теперь во все глаза смотрела на Розова. – Две чашечки кофе. Проходи, Олег, но помни – одна минута.

В кабинете он указал Розову на кресло. Сам встал у окна.

– Говори.

– Есть у меня одна идея...

– Так и знал. Я сыт по горло твоими идеями. Последняя из них меня чуть в могилу не свела.

– Ко мне попали удивительные, редкие материалы. Вам что-нибудь говорит имя Люк Морсен?

– Немного. Французский поэт. Неудачник.

– У меня есть его дневники, неопубликованные стихи, письма. Оригиналы.

– Продолжай.

– Может, сначала выпьем кофе?

– Кофе подождет.

– Я собираюсь о нем написать.

Валентин Юрьевич несколько минут смотрел на Розова, обдумывая его слова.

– Чего ты хочешь?

– Всего лишь мелочи...

Наташа подала кофе. Розов закурил и улыбнулся...

* * *

Татьяна увлеклась чтением. Розов бесцеремонно разглядывал ее. Она не производила на него впечатление. С первого взгляда не производила. Конечно, не будь он ограничен временем полета, возможно и удалось бы разглядеть в ней ту изюминку индивидуальности, которая придает каждой женщине эффект неповторимости.

Кому-то хватает этой неповторимости на всю жизнь. Кому-то – на полчаса. Так, проходя мимо полотен художников, останавливаешься возле некоторых на пару минут, привлеченный яркостью красок. Но в памяти после лишь размытые пятна. Другие же полотна, напротив, своей неброскостью скрывают целые вселенные ощущений, чувств, и впечатываются в память навсегда...

– Перестаньте смотреть на меня. Это не прилично.

– А если вы мне нравитесь? – Солгал Розов.

– Не верю.

– Не верите, что можете понравиться?!

– Не цепляйтесь к словам.

– Что вы думаете о Морсене? По-моему, он смешон.

– Он трагичен. Вы плохо читали книгу. Его пьянство – маска. Конечно, его стихи – не бог весть какая поэзия. Но некоторые – просто изумительны.

– Не знаю. Поэзия Морсена до сих пор вызывает споры. Кстати, автор склонен видеть в Морсене философа. Что вы об этом думаете?

– Я ничего не понимаю в философии. Вы летите в Нью-Йорк по делу?

– Как вам сказать... Там должна состояться встреча, о которой я совсем забыл.

– Вы мне кажетесь человеком, у которого все расписано по минутам.

– И вы правы, – Розов лгал без тени смущения. – Просто встреча была назначена очень давно.

– Месяц назад?

Розов позволил себе усмехнуться.

– Для вас месяц слишком большой срок?

– Честно признаться, для меня даже вчера уже слишком давно.

– Встреча назначена восемь лет назад. Странно, не правда ли?

– Странно?! Бросьте, для меня это просто непостижимо!

* * *

Артур буднично сообщил о своем отъезде. Документы на выезд готовы, билеты куплены. Вечером они собрались в самом шикарном ресторане Ташкента «Заравшан». Все понимали, – такой день когда-нибудь придет, но настроение было подавленное. Тимур пытался развеять атмосферу угрюмости, рассказывал анекдоты. Его никто не слушал.

Под конец Богданов заказал оркестру мелодию Чака Бери «YOU NEVER CAN TELL». Легкая мелодия из другой жизни оказалась бессильной. Потом они отправились в корейский ресторан «Сам Янг».

Простому обывателю попасть в «Сам Янг» почти не представлялось возможным. Высокие цены и необходимость заказывать места как минимум за неделю, превращали корейский ресторан для многих желающих в неприступную твердыню. Но немногим счастливицам, к числу коих принадлежали Розов и Богданов, места в ресторане находились в любое время дня и ночи. Такое радушие со стороны хозяина ресторана, господина Чена, они заслужили случайным образом. Как-то ночью вступились за симпатичную кореянку, которой досаждали четверо подвыпивших мужиков. Женщина оказалась младшей сестрой господина Чена.

В «Сам Янге» вышколенные официанты определили степень опьянения Розова и компании как высокую. Поэтому столик был накрыт вопреки заказу Тимура, желавшего видеть поджаренную молодую баранину с зеленым горошком и водку. Сначала были выставлены знаменитые корейские пельмени, к которым отдельно был подан бульон с перцем и уксусом, морковь по-корейски, заправленная острым соевым соусом, чимча и молодые побеги бамбука в мариnade. Дополнял все это горячий зеленый чай. Только после того, как поздние посетители одолели половину пельменей, и от перца у них жгло во рту, а на глазах появились слезы, была подана водка. По стеклу бутылок соблазнительно стекали капельки влаги. Водка не лилась в рюмки, – тягуче текла. Пили не в радость...

Следующим утром Артур улетел в Германию.

Навсегда.

В аэропорту, куда приехали за два часа до отлета, была установлена дата встречи в Америке. Тогда они восприняли все как шутку, браваду. Никто из них серьезно не верил в возможность подобной встречи. Но все уверяли друг друга, что так будет. Смешно.

Смешно развела их жизнь. Через год уехал в Санкт-Петербург Богданов. Следом Розов подался в Россию. Оба неплохо устроились в северной столице. Виделись изредка, чаще звонили друг другу.

Однажды, ответив парой дежурных фраз на вопросы Олега, Сергей сообщил ему, что семья Тимура выехала в США на постоянное место жительства...

* * *

– Вы меня совсем не слушаете!

– Что вы сказали?

– Я заказала себе мартини, а вам водку.

– Я не пью водку в самолетах. Поэтому я выпью ваш мартини, а вы закажете себе еще.

– Вы наглый, самоуверенный тип.

– А вы ничего не понимаете в...

– Ну, скажите, скажите, в чем я ничего не понимаю?!

– Не хочу вас расстраивать.

– Я уже расстроена, так что не стесняйтесь, говорите.

– Зачем вы летите в Нью-Йорк?

– Я поругалась со своим женихом.

– Поэтому летите в Америку?! Не обязательно убегать так далеко. Существует риск, что он вас не найдет.

– На это я и рассчитываю.

– Чушь. Вы хотите, что бы он вас нашел. Упал на колени и просил о прощении. Не знаю, за что. Наверное, за что-то все-таки найдется. Я знаю эту игру слишком хорошо.

– Вы случайно не писатель? Я ужас как не люблю писателей. Они всегда все знают наперед.

– Вы говорили, что вам нравится Розов, автор «Французской осени».

– Мне нравится его стиль, нравятся его герои, но...

– Я не писатель.

– У вас есть шанс.

– Понравится вам?! Не смешите, я вовсе не собираюсь... – Он замолчал, заметив лукавый взгляд Татьяны. – Я старше вас, наверное, лет на десять!

– Самая оптимальная разница. Сколько вам?

– Тридцать три.

– Вы правы, между нами разница почти в десять лет. Видите, как все хорошо складывается!

– Да, было бы здорово...

– И не говорите! Мы бы с вами таких глупостей натворили...

Стюардесса подала напитки. Розов взял мартини. Татьяне пришлось повторить заказ.

– Скажите, что понравилось, а что нет. – Он постучал пальцем по обложке книги. От такого нахального жеста Татьяна опешила. – Только не говорите, что вам все нравится.

– Сейчас Морсен мне больше интересен, чем вы.

– Что ж, не буду мешать.

– Вы обиделись? Я вижу, вы обиделись.

– Как я могу обижаться? Мы почти незнакомы. Ревновать вас к литературному герою смешно. К тому же, на реального Морсена он не похож.

– В предисловии сказано, что книга основана на документальных фактах.

– Это касается лишь хронологии создания Морсеном того или иного произведения. Думаете, автор знал все до мелочей? Все знать никто не может. Автор пишет о встрече Морсена с Камю... Лишь предположение. А отъезд Морсена из Парижа? Сотни причин могли побудить его покинуть город. Автор взял за основу факт – отъезд. Остальное – вымысел.

Он улыбнулся, вспомнив, как долго мучился поиском наиболее возможного хода события. Различные варианты вероятного прошлого вставали перед его мысленным взором. От него зависело, какой будет признан оптимальным. Он выбрал единственно верный, по крайней мере, он так считал, – встреча Морсена с Камю произошла не без помощи Надин...

Да, встреча с Камю произошла не без помощи Надин.

Потом она вышла замуж.

Что Морсен чувствовал при этом?

Создавалось впечатление, что этот период жизни Морсена был не очень удачным. Молодой поэт не встретил ожидаемой поддержки от мэтра. Любимая выходит замуж за другого. От такого удара не скоро оправившись. И хотя отношения между Люком и Надин не прекращались, он, скорее всего, был разочарован. В такие моменты жизни лучше всего найти новую любовницу, вспомнить старых друзей или, что всего вероятнее, начать пить. Не здесь ли кроется начало трагедии Морсена?

Розов сомневался. Чувствовал, здесь что-то не так. Не таким слабым виделся ему Морсен.

Спустя почти девять лет он создает поэму «Ожидание и Рождение» – самое непонятное, самое мощное произведение, чья загроможденность философской мыслью вызывает споры. Нет, нельзя говорить о том, что Морсен сдался.

В свое время Розову попала в руки небольшая подборка стихов Морсена. В ней были опубликованы отрывки из «Ожидания и Рождения». Отредактированные, сглаженные, сокращенные – в таком виде они потрясли Розова. Теперь же в его руках находилась оригинальная версия поэмы.

Перевод стихов Морсена был возможен только в форме верлибра. Верлибр сохранял такт и ритм, передавая глубину мысли. Розов часто думал, что Люк специально пренебрегает СЛОВОМ, стремясь лишь точнее, жестче очертить рамки идеи. Он мыслил образами...

Годы, отделяющие «Прогулку» от «Ожидания и Рождения», виделись Розову не как время пьянства и уныния, а как время сильных переживаний, раздумий.

Об этом времени у Морсена есть лишь отрывочные записи, не передающие масштаба его поисков. Они полны каких-то мелочей, разбросаны, отрывочны, не интересны.

«Вернул долг. Он мне сказал, что больше не даст...»

«Готи зовет к себе. Уезжать из Парижа не хочется. Но Готи настаивает. Может и уеду».

В одном месте Морсен очень подробно описывает сцену, свидетелем которой он стал в каком-то небольшом кафе. Один посетитель не смог заплатить по счету. Хозяин кафе набросился на него с бранью. Морсен пишет, что хозяин ругался минут десять, и таких слов, он, Морсен, никогда в жизни еще не слышал. Закончив ругаться, хозяин посчитал себя удовлетворенным. Улыбнувшись, он простил клиента. А тот в ответ попросил еще вина, сказав, что хозяин может возместить стоимость бутылки вновь таким оригинальным способом, чем вызвал смех у окружающих. Оценив шутку, хозяин выставил ему две бутылки бесплатно.

Это случай, пишет Морсен, напомнил ему о том, что никогда не надо терять чувство собственного достоинства. Что в самые плохие моменты жизни не стоит пребывать в унынии. Самоирония помогает выжить.

Звезда Морсена восходит в 1959 году. В 1960-ом погибает Альбер Камю. После этого, вняв наконец-то зову Готи, Морсен покидает Париж и уезжает в Невер. Здесь он напишет «Ожидание и Рождение»...

Розов помнил, как работа над книгой затягивала его.

Вначале он робко и боязливо перечитывал дневники Морсена.

Мучился от чувства отвращения к тому, что копается в биографии человека, который вряд ли бы одобрил такое поведение, больше похожее на подглядывание в замочную скважину.

После он пытался вникнуть в самые мельчайшие подробности жизни Морсена, отбросив все сомнения в сторону. Он строил версии, разрушал их до основания. Выискивал то, что отвечало реальности с его точки зрения.

Люк Морсен превращался из человека, полного противоречий и недостатков, сложного, не вписывающегося ни в какие рамки, в философа, чья поэзия стала заложницей его философских амбиций.

При этом Розов прекрасно понимал, что мысли и идеи Морсена представляют собой лишь смесь разных философских течений, пропущенных поэтом сквозь призму собственной жизни. Морсен все свои размышления, выкладки из них, примерял к себе. Он стремился жить в шатком здании собственных сентенций.

Розов выискивал лишь те моменты, которые подталкивали Морсена к наиболее ярким творческим успехам. Он спешил. В этой спешке отметалось все, казавшееся ему лишним, не способным дать или хотя бы дополнить нужную ему картину событий.

Но как раз из мелочей складывается полная картина.

Он спешил. Пока не был определен сюжет, все им написанное представляло собою наброски к главной теме.

В двадцать лет Розов был уверен, – мир примет все, что он готов ему предложить.

В двадцать шесть понял, – мир ничего не ждет от него. Мир вокруг самодостаточен.

Тогда он стал думать, что все еще впереди. Время есть и не стоит лезть на рожон.

В двадцать девять вдруг сказалась нехватка времени, и пришел страх. Страх, что многие возможности упущены навсегда. Четыре книги за два года, – итог того страха.

Любая возможность должна быть использована. Ни один шанс не может быть отвергнут только из-за того, что кажется нелепым.

Самое главное, считал Розов, выстроить хронологию. И тогда события стали видеться ему следующим образом:

Морсен появился в Париже где-то в середине 1958 года.

К началу 1959-го на его счету уже несколько книг, вышедших в издательстве Пилена.

За этот небольшой промежуток времени происходит масса событий – Морсен знакомится с Сольежем, встречается с Камю. Завязываются его отношения с Надин Сольеж. Он пишет «Прогулку» и занимается статьями.

Несомненно, этот год был для него удачным.

Что же происходило в 1959-ом, Розову было не совсем ясно.

Зато 1960-й стал переломным. Морсен не мог не знать о смерти Камю. Трагическое событие стало отправной точкой последующей цепи событий, которые приведут его к печальному концу.

К 1960-му году относится довольно интересная запись:

«В Невер, только в Невер. Париж стал слишком гостеприимен. В Невер, к Готи».

Желание Морсена покинуть Париж только на первый взгляд выглядит нелепым. Гостеприимство Парижа оказалось похожим на радушный прием публикой шута.

Морсен уезжает в Невер, к Готи...

* * *

– Почему вы сбежали от жениха?

– Что?

– Вы не любите своего жениха?

Ответ Розову был совершенно не интересен. Но ему необходимо было продолжить разговор с этой девушкой, иначе воспоминания грозили захватить его.

– Почему вы так думаете?

– Вы же сами сказали...

– Я помню, что сказала. Это не значит, что я его не люблю. И вообще, вам то, какое дело?

– Мне показалось странным...

– Ничего странного в этом нет. Мужчины перед свадьбой устраивают мальчишник, а женщины...

– Я понимаю, но...

– У меня не так много друзей. Перспектива провести последний день холостой жизни в каком-нибудь ночном клубе меня не прельщает. Куда интереснее устроить себе маленькое путешествие. Это позволяет лучше понять, что тебе в жизни хочется больше всего, – обручальное колечко на пальчике и все вытекающие отсюда последствия. Или возможность просыпаться каждое утро свободной и ничем не связанной женщиной. Вы так не считаете?

Розов ничего не ответил.

* * *

– Сегодня на вечер есть планы. Так что не собирайся уходить.

Тон Сергея озадачил Розова.

Богданов заставил его приехать в Санкт-Петербург, занялся оформлением документов. Купил билеты в бизнес-класс, по часам расписал все их время. А теперь строил какие-то планы на вечер.

– Какие планы?

Раздался звонок в дверь.

– Сейчас узнаешь. – Сергей пошел открывать дверь.

Олег понял, в чем подвох.

– Негодяй.

Щелкнул замок, и он услышал:

– Привет, Марина. Проходи. Как доехала?

– Быстро. Он здесь?

– Конечно.

– Черт! – Розов пошел встречать Марину. – Привет, давно не виделись... Прекрасно выглядишь. У тебя новая прическа? Она тебе очень идет.

– Ну, мне пора. – Засобирался Богданов.

– Ты куда? – С тревогой спросил Розов.

– У меня тоже есть личная жизнь. Проходи, Марина, проходи. Меня не будет целую ночь. – Он улыбнулся Марине и посмотрел на Розова.

Олег ответил ему мстительным прищуром.

Сергей хлопнул его по плечу и ушел.

– Ты давно в городе?

– Несколько дней. – Розов прошел на кухню. – Чай будешь?

– Я прихватила с собой вино.

– Отлично, – без особой радости сказал Олег, доставая из холодильника готовые отбивные и сыр.

– Не рад меня видеть? – Марина появилась на кухне вслед за ним. Поставила бутылку на стол. Уселась возле окна. Достала сигареты. – Мясо не буду.

– Сладкое ты тоже не ешь. Что же тебе предложить?

– Фрукты есть? – Марина достала сигареты.

– Яблоки. Еще есть персики.

– И яблоки, и персики. Ты не ответил на вопрос.

– Да.

– Не рад?! Я предполагала такой ответ, но все же послушалась Сергея. Дура.

– Он тебе звонил?

– Представляешь, – она закурила, изящно откинула головку назад и взглянула на него.

Он всегда боялся такого взгляда. Зная – это игра, не правда, он все же не мог долго выдержать этот взор.

– Он сказал, что ты каждый час спрашиваешь его обо мне. И не звонишь потому, что чувствуешь свою вину.

Розов усмехнулся ее великолепному мастерству, позволяющему любую ситуацию повернуть в сторону собственной выгоды. Сделать свою маленькую оплошность победой.

– Он был прав? – Допытывалась Марина.

– Почти.

– Ты не думал обо мне?

– Я не чувствую вины.

– Сначала ты выгоняешь меня. Потом не звонишь целых два месяца. А когда я, забыв собственную гордость, сама приезжаю сюда, ты говоришь мне, что не чувствуешь за собой вины?! – Она почти кричала.

- Прекрати. Что ты так вспылила?
- А ты не понимаешь? – Она затушила сигарету и поднялась. – Что я в тебе нашла?!
- Мы будем пить вино?
- Подавись ты этим вином, алкаш несчастный! Запомни, никогда я первой не сделаю шаг навстречу. И передай своему дружку, Богданову, если еще раз он мне солжет, то я...
- Ты прекрасно понимала, что каждое его слово – ложь. Неужели ты меня так плохо знаешь?
- Пошел к черту! Завтра я улетаю в Нью-Йорк на три месяца. Реши за это время как быть! Она залепила ему пощечину и выскочила из квартиры.
- Розов откупорил вино.

Люк Морсен. 1958 год

В конце августа в одном из предместий Парижа проходили воскресные скачки. Ипподромная жизнь полна всяких нюансов, которые не понять человеку, здоровому от болезненного пристрастия к бегам. Разговоры, возникающие тут и там в это знаменательное воскресенье на ипподроме, служили самым убедительным доказательством того, что лишь посвященные имели представление о происходящем.

– Я же говорил тебе, не ставь на гнедую...

– ...не подвела! Смотри, как она в поворот вошла...

– Черт, я опять все потерял! Где этот сопливый юнец, посоветовавший мне поставить на третий номер?!

– Вы зря слушаете юнцов, мсье. Вот я никогда не ошибаюсь и всего за десять франков дам вам дельный совет, – на какой номер поставить в четвертом заезде.

– Дорогой, мне душно. Зачем ты привел меня сюда? Лошадей я и в деревне видела. Здесь такая давка...

– Я уверен, мне сегодня повезет... Ты посмотри, какой круп! Какие мышцы...

– Делать мне нечего, как только лошадиные задницы разглядывать!

На ипподромах всегда царит атмосфера конюшни. И для многих этот воздух лучше любого парфюма.

В разгар второго забега, когда страсти на трибунах дошли до предела и с кличками гнедых и черных, числившихся сегодня в фаворитах, связывались надежды и чаяния многих и многих, недалеко от ложи богатой публики наблюдал за происходящим молодой человек в неброской, но тщательно отглаженной рубашке. Брюки его тоже ведали тяжесть утюга, хотя и не были новы, а туфли на ногах молодого человека, судя по всему, знали не только чистые мостовые центра Парижа. Он с напряжением следил за тем, что происходило на беговых дорожках, и все время повторял:

– Пятый, только пятый. Я знаю, пятый будет первым.

Тут-то его и приметил Жан-Поль Сольеж. Он только что сделал ставку на третий забег и возвращался на свое место в ложе состоятельных посетителей.

Ударил звон колокола, ипподром вздохнул всей людской толпой, заполнившей его плотной массой от богатых лож до самых ограждений беговых дорожек.

– Пятый! – И ипподром взорвался овациями и криком.

После этого Жан-Поль подошёл к молодому человеку.

– Простите, как вы узнали, что пятый будет первым? Он даже в тройку фаворитов не входил.

Молодой человек улыбнулся.

– Ему примерно года три с половиной. Ноги чуть длиннее, чем у других. И, видимо, ему нравится бегать.

– Но... отсюда не видно, какой длины его ноги, – прищурился Сольеж.

– Вы правы. С утра я побывал на конюшнях ипподрома, тайно конечно. И видел всех сегодняшних претендентов.

– Кто же, по-вашему, победит в третьем заезде? – Обеспокоено спросил Сольеж.

– Седьмой номер. Под ним заявлена кобыла по кличке Алая.

– Да? А я поставил на второй номер.

– Он уступит Алой. – Уверенно заявил молодой человек.

Сольеж закурил.

– Если вы так хорошо разбираетесь, то почему бы вам не сделать ставку?

Молодой человек покраснел.

– У меня остались последние сто франков.

– Но ведь вы так уверены.

– Да, но...

Объявили о начале третьего заезда.

Первой к финишу пришла Алая.

– Я только что потерял полтысячи франков, – вздохнул Сольеж. – На кого посоветуете поставить в четвертом? – Деловито спросил он, и молодой человек оживился.

– Только не на фаворита. Ставки на него высоки, это на руку букмекерам. Поставьте на второй номер.

– Опять?!

– В этом забеге у него нет конкурентов.

Сольеж подумал с минуту.

– Хорошо. – Он отправился к кассам.

Начался четвертый заезд. Молодой человек отметил, что разговаривавший с ним мужчина еще не появился, и больше не думал об этом. Скачки целиком поглотили его внимание.

– Что-то не очень второй рвется к победе, – услышал он за спиной, но не обернулся.

Второй пришел к финишу первым.

– Знаете, молодой человек, я поставил на него две тысячи. Один к десяти. Вы помогли мне выиграть двадцать тысяч франков. Не желаете со мною отобедать?

Молодой человек пожал плечами.

– Не смущайтесь. Часть выигрыша принадлежит вам. Что вы скажите о пяти тысячах? Или ваш совет стоит дороже?

– Пожалуй, пяти тысяч хватит.

– Вот и отлично. – Сольеж хлопнул его по плечу. – Пойдемте, я знаю тут недалеко неплохой ресторан. Не беспокойтесь, платить буду я. Но сначала надо зайти за деньгами. – Он подмигнул.

Получив деньги, Сольеж отсчитал молодому человеку пять тысяч.

– Теперь можно пообедать. Кстати, как вас зовут?

– Люк. Люк Морсен.

– Жан-Поль Сольеж. Владелец компании «Сольеж». Может, слышали?

– Сеть магазинов морских продуктов.

– Именно. И еще два небольших ресторана в Сен-Дени. Чем вы занимаетесь, Морсен? Хотя, можете мне не говорить. У вас оставались последние сто франков, значит, дела ваши не очень хороши.

– Это временно.

– Все в этом мире временно, Люк. Ну ничего, давайте пообедаем, и может быть я смогу вам чем-нибудь помочь.

– Вы и так помогли.

– Это мелочи. Деньги, приобретенные на бегах, шальные деньги. Их надо как можно быстрее спустить.

– Некоторые делают на этом состоянии.

– Сказки, Морсен, сказки. Я играю на бегах уже лет восемь. И ни разу не видел крупных выигрышей. Да, кому-то удастся оторвать кусок пожирнее. Но проходит неделя, и человек теряет больше, чем получил. Состояния не выигрываются. Они зарабатываются. И чаще всего – умом. Чему вы улыбаетесь?

– Случаю. Если бы второй не пришел первым...

– Ничего страшного. Обедом я бы вас все равно угостил.

За обедом Морсен рассказал Сольежу, откуда он родом и как оказался в Париже.

– Из Фурми?! А мои предки до войны жили в Дуэ. Это же почти рядом. – Сольеж разлил по фужерам вино. – Хоть вы и не сказали мне, кто вы на самом деле, я все же попытаюсь помочь вам. У меня в Мо есть собственная конюшня. Там два племенных жеребца с утра до вечера только и делают, что едят да кобыл покрывают. Если хотите, можете поработать там. От Парижа это недалеко, минут двадцать на машине. Если у вас есть какие-то дела здесь, то работа в Мо не будет вам помехой. Платить буду раз в неделю. Не скажу, что много, но на первое время хватит.

– Вы меня совсем не знаете.

– Мне хватает того, что вы превосходно разбираетесь в лошадях. Официант! Счет! Ну так как, согласны? Правда, есть одно условие. Вы скажите мне, чем занимаетесь на самом деле. Идет?

Из ресторана они вышли почти друзьями.

Люк Морсен, если и не был счастлив сегодняшним днем, то довольным был точно. Два месяца в Париже, в течение которых ему пришлось сменить три работы, пройдя путь от грузчика в мясной лавке до расфасовщика фасоли, убедили его в том, что Париж не очень то похож на рай. Теперь он стал заведующим конюшней. Звучит не бог весть как, но есть хорошая зарплата и немного свободного времени, которое он может использовать для своей творческой работы.

– Писать стихи, – нравоучительно распекал его Сольеж, – дело убыточное. Статейки ваши, Морсен, печатать, конечно же, будут. Особенно, если вы будете писать о лошадях, но большого дохода вам это не принесет, поверьте мне. Бросьте это занятие. Ну какой из вас к черту писатель?!

Через месяц, заполненный хлопотами: конюшню срочно пришлось приводить в порядок, жеребцов гонять по кругу до пены у рта, ибо они заплыли жиром, – Морсен смог, наконец, вздохнуть свободно. Работа была отлажена, конюхи получили должные наставления.

Морсен большую часть времени стал проводить в Париже. Творческие дела не налаживались так быстро, как бытовые. Стихи не принимали ни в одном издательстве. Собственных денег на издание книги он не имел.

Газеты в этот год полнились статьями на политические темы. Была принята конституция пятой республики, дающая больше прав исполнительной власти, и президентом страны стал де Голь. Распалась французская западная Африка...

Нечего было и думать в такой переломный момент о возможности опубликования статьи, в которой и слова нет об важных политических событиях. Но политика Морсена не интересовала. Пару раз он обратился в газеты со статьями, сугубо отвлеченными от реалий времени, и получил оба раза отказ. В конце концов, он написал статью про лошадей, которая была опубликована в каком-то спортивном альманахе, получил небольшой гонорар и больше в газеты не обращался...

В середине сентября в Мо приехал на неделю Жан-Поль с семьей. Это был совсем незнакомый Люку человек. Не крупный делец, а любящий отец и муж. Такая перемена поразила Морсена.

Сольеж не говорил о делах, предаваясь блаженству отдыха в кругу семьи. Но однажды он все-таки завел такой разговор с Морсеном.

– В Западной Африке не спокойно. Мои партнеры по бизнесу, ответственные за поставки продуктов в Париж, уверяют меня, что в скором времени дела будут идти еще хуже. Мы теряем колонии, Морсен. Это обернется большим кризисом.

Морсену было не интересно. А вот что его действительно заинтересовало, так это дочь Сольежа. Надин. Он искал повода с ней познакомиться. Такой случай выдался вечером следующего дня.

Сольеж привел семью взглянуть на жеребцов. Люк, будучи неплохим наездником, сделал несколько кругов, показав, на что способны жеребцы в хороших руках. Сольеж был восхищен. Он не видел в лошадях ни одного изъяна.

– Что ж, если дела обернутся худо, продажа жеребцов принесет хоть какую-то прибыль. Признаюсь, сделать это не легко, но все же придется.

Заявил он жене, которая любовалась грацией животных, и представления не имела о том, что ей говорит муж. Она смогла уловить намек на дополнительную прибыль, что ее вполне устраивало.

Однако это совсем не понравилось дочери Сольежа.

– Неужели ты решишься продать такую красоту? – Спросила его Надин. – Ты же сам говорил, что Морсен подготовил их к скачкам.

– Если все будет так плохо, то... Не беспокойся, они попадут в хорошие руки.

Вечером, на семейный ужин был приглашен Морсен. Жан-Поль официально представил его членам своего семейства.

За ужином Люк во все глаза смотрел на Надин. Она чувствовала его взгляд. Ей было приятно внимание молодого человека. Остроумие, шутки и милые анекдоты Надин про правительство, ходившие тогда среди студенчества, вызывали смех за столом.

После ужина Надин заявила отцу, что хочет вернуться в Париж.

– Мы всего два дня здесь, а тебе уже скучно? – Удивился Сольеж.

– Здесь прекрасно, папа. И жеребцы твои просто прелесть. Но...

– Понимаю, – улыбнулся Сольеж, – среди молодежи не принято сейчас много времени проводить в кругу родителей. Ладно, езжай. Быстро не гони. Как приедешь, сразу позвони мне.

Надин поцеловала отца и ушла переодеваться. Через несколько минут она появилась перед ним в элегантных брюках и легкой кофточке.

– Что это? – Сольеж оторвался от чтения газеты с биржевыми сводками.

– Сейчас так модно, папа, – укоризненно ответила Надин. – Скоро это станет так же привычно, как галстук к костюму.

– Не знаю, – проворчал Сольеж, но во взгляде его светилось восхищение дочерью. – С мамой простилась?

– Нет, она читает сестрам письма Экзюпери. Скучотища. Не хочу им мешать.

Сольеж улыбнулся. Дочь еще раз поцеловала его и умчалась. Сольеж вернулся к изучению газеты.

Морсена Надин нашла в конюшне. Он наблюдал, как пара юных сорванцов обтирает жеребцов сеном.

– Я еду в Париж. Компанию мне не составите? – Предложила она Люку.

– С удовольствием, – быстро пришел в себя Морсен. – Только дам несколько указаний пацанам.

Он посмотрел на юнцов, для которых работа превратилась в забаву.

– Я буду ждать вас в машине.

Надин резко развернулась к выходу. Морсен проводил ее взглядом. Брюки на ней смотрелись очень даже привлекательно.

За время поездки они лишь пару раз обменялись фразами и больше ни о чем не говорили. Молчание становилось неловким.

Собираясь выходить из машины, Морсен предложил:

– Еще не очень поздно. Может, пройдемся? Я видел по дороге недалеко отсюда небольшое кафе. Составите мне компанию за чашкой кофе?

– Я думала, вы никогда не предложите мне чего-то подобного. Только подождите пять минут. Мне надо позвонить отцу, сообщить, что доехала нормально.

Они вышли из машины. Надин поднялась по небольшой широкой лестнице к парадному входу. Через пять минут она появилась, взяла его под руку, и они пешком пошли искать кафе. Теперь оба чувствовали себя довольно свободно и болтали почти всю дорогу. Когда они дошли до кафе, налетел ветерок. Через несколько минут на мостовые Парижа упали капли осеннего дождя. Укрывшись в кафе, они не заметили, как пролетели два часа за их разговором. Обратную дорогу они молчали. Дождь прекратился, оставив мутные лужи, которые они тщательно обходили. При этом Морсен старался поддержать Надин за талию, чему она не сопротивлялась. Около дверей ее дома он удержал ее за руку. Надин испуганно взглянула в его глаза. Он поцеловал ее, сначала нежно и робко. Затем, ощущая ее согласие, смешанное со страхом, смелее, пока она не ответила ему...

Когда за ней захлопнулась дверь, Морсен перевел дыхание. Он знал, что если очень захочет, то дверь для него откроется, и эта ночь станет для Надин откровением. Интуиция подсказывала ему, – она сама желает этого. Ждет от него знака, попытки, которая обречена на успех.

Люк не стал настаивать. Он отпустил ее.

Он решил пешком добираться до своей квартиры, в которой не был уже неделю. Огни ночных кафешантанов манили к себе. Люк оставался безучастным к зовам этой другой, так не похожей на дневную, жизни.

Проходя мимо ярко освещенной витрины одного ночного магазинчика, он заметил небольшую группу людей, столпившихся около входа. Он остановился. Вокруг шла ночная жизнь, в небольшом павильоне напротив продавали американское пиво. В середине толпы, прислонившись спиной к стене, играл на саксофоне молодой мужчина. Рядом с ним на земле валялась намочшая от дождя фетровая шляпа и стояла недопитая бутылка пива. Он играл какой-то незатейливый джазовый мотив, причем фальшивил убого, вызывая смех у окружающих. Морсен улыбнулся и пошел дальше...

В Мо Морсен появился после обеда следующего дня. Ему сказали, что утром его искал Сольеж, который очень расстроился, узнав об отсутствии Люка.

– Я сегодня уезжаю, – сообщил Жан-Поль Морсену, когда они встретились. – Дела на бирже обстоят не важно.

– Вы играете на бирже? – Без интереса спросил Морсен.

– Нет. Но если на рынке ценных бумаг что-то произойдет, то это скажется и на моем деле. Мои поставщики связаны с судовладельцами, объединенными в большой картель. Акции картеля из-за забастовки марсельских докеров упали вчера на два пункта. Это серьезная проблема, Морсен... Впрочем, вам это не интересно. Знаю, знаю, вы творческий человек, но подумайте о будущем, молодой человек. На что будет жить ваша семья?

Сольеж покинул Мо, оставив Морсена в озабоченности. Почему Сольеж заговорил о семье?

Пожав плечами, он попросил вывести жеребцов. Наступало время ежедневных пробежек...

Вечером уставший Сольеж отдыхал в своем кабинете за рюмкой коньяка. Жан-Поль провел почти весь день в офисе главного магазина «Сольеж», выслушивая доклады управляющих и еженедельный отчет директоров ресторанов, и вовсе не собирался сейчас говорить о чем-то с кем бы то ни было. Но Надин вошла без стука, тихо села в уголок массивного дивана, несколько минут наблюдала за отцом, не говоря ни слова.

– Что ты думаешь о Морсене? – Спросила она неожиданно.

– О Морсене? Ничего.

– Как так, совсем ничего? – Удивилась Надин.

– Ничего хорошего, дорогая. Он никогда не выйдет в люди. У него другой склад ума. Нет стержня, понимаешь?

– Нет, – призналась Надин.

Сольеж наполнил опустевшую рюмку и продолжил:

– Он не в состоянии довести начатое до конца. Я не говорю о лошадях. В них он понимает больше, чем в жизни. Но у него не хватило терпения окончить Рейнский университет. Он, конечно, умный малый, начитанный. Но он не приспособлен к жизни. Таких людей всегда надо поддерживать... Ты знаешь его послужной список? Хотя, откуда тебе знать... Чтобы учиться в университете, ему пришлось работать на производстве шампанских вин. С тех пор он признает только красное сухое. Но потом за его способности ему назначили стипендию. Об оплате учебы можно было не думать. А что делает Морсен? Бросает университет. Почему? Ему это не интересно! Подумать только, бросить университет на последнем году учебы... Что тут сказать, ни-че-го!

– Может у него были причины так поступить?

– Я тоже так думал. Но он уверил меня, что дело именно в скуке. Он приехал в Париж, мечтая о славе писателя. Хорошо, это тоже карьера. Но его не приняли ни в одном издательстве.

– Тебе не кажется, что твое мнение о нем слишком предвзято?

– Я к нему отношусь хорошо, – успокоился Сольеж. – Он неплохой человек. Но этого мало, чтобы добиться успеха. Почему он тебя так интересуется?

Вопрос отца застал Надин врасплох.

– Просто так, – она быстро поднялась с дивана. – Мне интересно, что за человек приглядывает за твоими лошадьми.

– В лошадях он толк знает, этого у него не отнять.

– Ну что ж, пойду готовиться, через неделю у меня зачет в Сорбонне. Отдыхай, папа, не буду тебе мешать.

Когда она ушла, Сольеж задумался. Что-то давно он не звонил Жозефу Коленну...

Перед Морсен лежали чистые листы. Они раздражали чистой белизной. Он так и не смог привыкнуть к олицетворению пустоты...

За окном, в шуме ночного дождя, слышалось ржание лошадей. Откуда-то из далека доносился глухой рев мчащихся по мокрой дороге автомобилей.

Раздражение достигало предела, заставляя искать повод, чтобы коснуться пустоты черным росчерком. Он закрыл на миг глаза, представил себе Надин, ее взор, в котором испуг и желание, ее красивую фигуру... дождь. Тот дождь, когда они сидели в кафе.

Размытые впечатления стали принимать четкость. Мысль, одетая в слова, легла на бумагу.

Осени дни город пленили
завесой дождя,
и красной листвой
Тротуары устлали,
Людям напомнив
О неизбежности доли своей,
Зная, —
не многим дано
НЕЧТО в природе узреть

и понять,
что
в сущности все
мы белке подобны
в большом колесе...

К утру были готовы три черновых варианта «Прогулки». Морсен долго мучился, выбирая, какой оставить. Два дня ушло на доработку каждого наброска. Морсен искал более точные образы, способные чуть ли не осязаемо передать его мысль. Одни слова заменялись другими. В результате у него остался один вариант (другие сгорели в большой урне, стоявшей на улице у дверей конюшни). Убедив себя в том, что наконец-то добился желаемого, Морсен занялся своими прямыми обязанностями...

«Прогулка» звучала на одном дыхании, в одном ритме, передавая повседневную усталость от фатальности, которую осознаешь. И за пределы которой нет сил выйти. Но даже в этом чувстве, незаконно, не имея на то никаких прав, вспыхивает временами надежда. А после вновь пустота. Мимолетное ощущение одинокого прохожего...

Мо приехала Надин. Она появилась в обед и первым делом побывала на конюшне. Узнав, что Морсен в своем домике, она тут же решительно направилась к нему. Ее что-то расстроило. Всю дорогу до домика Морсена Надин нервничала.

– Как ты здесь оказалась? – Морсен был удивлен, но не более. – Твой отец знает?

Надин расстроилась еще больше и, войдя в дом, громко хлопнула дверью.

– Папе не надо знать о моих делах. Так ему будет спокойнее.

Люк улыбнулся. Надин вдруг бросилась к нему, обняла.

– Зачем... зачем ты тогда ушел?.. Я ждала... А ты не понял, ушел... В дождь ушел. Зачем?

Люк пытался что-то ответить. Надин не дала ему и слова сказать. Ее поцелуй заглушил ответ. Очнувшись, он понял, что раздевает ее. Словно холодный душ обрушился ему на голову.

– Глупый, – прошептала Надин, и сама скинула платье...

За ужином он прочел ей «Прогулку». Стол был накрыт скромно, в пламени камина отблескивало красное вино.

Когда Морсен закончил читать, Надин выглядела шокированной. «Прогулка» показалась ей наполненной безысходной печалью и лиризмом. Она попросила Морсен прочесть еще раз.

– У тебя есть еще что-нибудь в этом роде? – Спросила она, когда Морсен замолчал.

– Фрагменты.

– У них есть название?

– Осколки целого.

– Уже в самом названии заложена тоска.

– Почему?

– Не знаю, – Надин пожал плечами и выпила вино. – Мне так кажется. Почитай мне.

– Они не готовы.

– Прошу тебя. – Настаивала Надин с такой просьбой в голосе, что Морсен расхохотался.

– Тебе трудно отказать, но на сегодня хватит.

Он подошел к ней, подал руку. Она встала из-за стола.

– Ты прав, хватит стихов. Нам есть чем заняться...

Когда Морсен уснул, Надин взяла папку с его стихами и устроилась на кухне.

Утром Люка ждал аппетитный завтрак. Он принял теплый душ. Надин подала ему полотенце, хихикнула, увидев его без одежды, и убежала на кухню, с которой плыл душистый аромат алжирского кофе.

За столом Надин поинтересовалась, что говорят издатели по поводу стихов.

– Ничего хорошего.

– А если бы ты встретился с человеком, чье имя имеет значение для этих книжных червей, ты бы смог его убедить в собственном таланте?

– В таланте не надо убеждать. Это абсурд.

– Значит, такая встреча тебе ничего не даст?

– Не знаю. Хуже, конечно, не будет. Оценка профессионала была бы любопытна.

– У тебя есть такой шанс, – радостно сообщила Надин. – Мой отец знаком с человеком, чье имя сейчас имеет большой авторитет в мире литературы.

– Кто же это? – С легкой иронией спросил Морсен.

– Камю. Альбер Камю.

Морсен поперхнулся.

– Камю? Ты сказала Альбер Камю?! Тот самый?!

– Если ты имеешь в виду мсье Камю, автора цикла «Изнанка и лицо», то да, тот самый.

Отец находит его статьи и рассказы очень даже недурными.

– Не думал, что Сольеж читал Камю... Да еще и знаком с ним! – Пробормотал Морсен.

– Они познакомились на каком-то званном обеде. Там были представители деловых кругов, разные профессора. По большому счету все они были скучны. А от беседы с Камю мой отец получил удовольствие. Они даже обменялись парочкой анекдотов. Я попрошу отца устроить вам встречу, думаю, он не откажет.

У Морсена пропал аппетит.

Вечером Надин уехала. Она уговорила Морсена отдать ей стихи. Обещала, что встреча с Камю обязательно состоится...

В первых числах октября Сольеж объявил о свадьбе дочери. Она должна была пройти в небольшой церкви в Мо. На церемонию были приглашены многочисленные друзья семьи.

Надин охватил ужас. Она искала случая незаметно уехать в Мо, хотя бы на пару часов. При этом мучилась, не находя тех слов, которые обязательно скажет Морсену.

Возможность появилась за два дня до свадьбы. Но в Мо всё случилось не так, как она предполагала...

– И не подумаю! – Ответил ей Морсен, чувствуя себя неловко от ее предложения. – Успокойся, Надин. Жозеф любит тебя. Ты тоже испытываешь к нему какие-то чувства. Ты сама так говорила. Поэтому я не стану разговаривать с твоим отцом об отмене свадьбы. Я не могу это сделать.

Надин сидела за столом, вся мрачная, и не смотрела на Морсена, который ходил из угла в угол и курил.

– Но я думала...

– Не имеет значения, что ты думала. С Жан-Полем говорить не буду! Да и что я могу ему сказать?!

– Что любишь меня! Что за тебя я должна выйти, а не за Жозефа!

– Ничего из этого не выйдет. Твой брак с Жозефом, это союз капиталов. Твой отец никогда его не отменит. Его дела пошатнулись, он продал жеребцов, а ты хочешь говорить с ним о каких-то чувствах!

– А ты?

– А что я? Вернусь в провинцию... Только не плачь! Надин, дорогая, пойми, брак для меня сейчас не возможен...

– Хорошо, – уцепилась за соломинку Надин, – не сейчас. Я готова ждать. Год, два...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.